

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Съ 1 июля до кон-
ца года . . . 4 4 50
За годъ . . . 7 8 —
Безъ доставки за годъ 6 р.;
за полгода 3 р.
Гг. подписчики получаютъ
бесплатную премію, по
заглавію «Литературный
Альманахъ», въ составъ
котораго входятъ пьесы,
очерки, рассказы и стихо-
творенія.
Подписка принимается
ежедневно въ конторѣ
«Театральный Мірокъ» (Фур-
штатская, 14) и во всѣхъ
книжныхъ магазинахъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРОКЪ

ГАЗЕТА

ТЕАТРАЛЬНАЯ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

№ 13 28

ОБЩЕСТВЕННАЯ.

№ 13 28

Редація (Спб., Фурштат-
ская, 14) открыта для лич-
ныхъ объясненій по суб-
ботамъ отъ 11 до 12 1/2 ч.
Контора (Фурштатская,
14) открыта ежедневно отъ
9 ч. у. до 6 ч. в. Объяс-
ненія (10 л. строка пята)
на 4-й и 20-й на 1-й стр.)
принимается въ конторѣ и
ея отдѣленіяхъ. Въ достав-
ляемыхъ для помещенія въ
газетъ статьяхъ и замѣткахъ
должны быть за полную
подписью и съ адресомъ
иже автора. При необозна-
ченіи условій, на которыхъ
желаютъ ихъ печатать, онѣ
считаются безплатными и
послупаютъ въ полное рас-
поряженіе редакціи. Руко-
писи не возвращаются.

Вышли и разосланы гг. подписчикамъ три первые выпуска «Литературнаго Альманаха» (преміи): „Байбакъ“, ко-
медія В. А. Тихонова, „Княгиня Жоржъ“, комедія А. Дюма, въ переводѣ С. Н. Худекова и „На вольномъ воз-
духѣ“, сцены изъ дачной жизни Ил. Н. Измайлова. Всѣ новые годовые подписчики получаютъ газету съ перваго номера
вмѣстѣ съ преміями.

Редація и контора «Театрального Мірка» помѣщаются въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской улицѣ, д. № 14, кв. № 2.

Контора открыта ежедневно.

Личныя объясненія по субботамъ отъ 11 ч. утра до половины перваго.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ТЕАТРАЛЬНУЮ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРОКЪ“

Второе полугодіе

(съ 1 июля по 31 декабря).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА СЪ ПРЕМІЯМИ:

Безъ доставки . . . 3 р.
Съ доставкой . . . 4 »
Съ пересылкой . . . 4 » 50 к.

Подписка принимается ежедневно въ конторѣ „ТЕАТРАЛЬНАГО МІРКА“ (Фур-
штатская, 14) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Иногородные адресуютъ исключительно въ контору „ТЕАТРАЛЬНАГО МІРКА“,
С.-Петербургъ, Фурштатская, 14.

Гг. полугодичные подписчики получаютъ три выпуска „Литературно-театрального
Альманаха“, которые выйдутъ въ августѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Цена № въ розничной про-
дажѣ 10 коп.

Содержаніе.

Театральная бесѣда. Горевіада (курьезы) Алекс. Плещеева.
Прощальный бенедиктъ и итоги дѣятельности Е. Н. Горевой. О.
Красносельскій театр. II.
Изъ балетнаго міра. Новый балетъ. II.
Дневникъ москвитянина (за недѣлю) М. В. Карамзина.
Корреспонденція: Харьковъ. М. И. Разсудова. Самара. Е.
Александрова.

По русскимъ театрамъ. — Театральныя таблички: Новочер-
касскъ, Орелъ, Харьковъ, Новгородъ. II. Тамкова, В.
Высоцкая и др.

Справки.

За границей. Ф. Листъ (Некрологъ).
За и противъ. Голосъ изъ публики. Любителя театра.
Фельетонъ. «Катя». Окончаніе. М. Шевлякова.
Справочный листокъ.
Объявленія.

ТЕАТРАЛЬНАЯ БЕСѢДА.

Горевіада.

Курьезы.

Курьезы, курьезы, курьезы! Слишкомъ много
курьезовъ! На этотъ разъ мы коснемся бене-
диктъ талантливой артистки Е. Н. Горевой и ея
прощальнаго выхода предъ столичной публикой въ
«Озеркахъ».

тически: «Ну, слышь... У глухихъ дѣтей всегда
такъ... Я не изъ первыхъ, меня не тронешь мнѣ».
Развѣ это не обидно? Ушелъ онъ отъ меня, даже
не простившись, и на другой день съ богатой куп-
чихой заграницу удрали... Ахъ, если-бы ты зналъ,
что со мною было... черезъ недѣлю я только въ
память пришла, убивалась какъ, что полюбила,
въ первый разъ въ жизни полюбила такъ... и та-
кого... не только какъ выздоровѣла — слово дала
сцену бросить и идти въ монастырь жить за грѣ-
хи... И пошла, но только меня не приняли; стро-
гая настоятельница, какъ только узнала, что
актриса я, и слышать не захотѣла, чтобы я смѣла
въ обители остаться... Неудача; нужно бы было
въ другой идти, а я разсердилась и со злобы въ
цыганки пошла, благо они мимо на макареву
проѣзжали... Порѣшила я на всегда въ хоръ
остаться, — очень весело и просто, жизнь при-
вольная... Но только, знаешь ты, кого я во всемъ
вино?

— Не знаю.

— Тебя.

— Меня?

— Да, во всемъ ты виновата одна...

Чѣмъ? Какъ?

— Ты, ты и ты... Не притворяйся, пожа-
луйста, все ты... Говорила я тогда, помнишь,
женись на мнѣ, женись, а ты не хотѣлъ? Же-
нился-бы на мнѣ, — со мной ничего этого-бы и не
случилось, а теперь я не замужняя, съ пути и
посбилась... И ничего больше не подѣлаешь.
Тсс... не возражай, пожалуйста, не возражай, во
всемъ ты и ты виновата...

Какъ и надо было ожидать, Катя цыганъ скоро
покинула, — опротивѣло и надобно ей продово пле-
мя. Мнѣ пришлось ее убѣдить безъ большаго труда
поступить къ намъ въ труппу...

Катя, дѣйствительно, большой талантъ, она
вполнѣ выработанная актриса, занову чувствуется
въ ней только недостатокъ образовательнаго эле-
мента. Сколько въ ея игрѣ не подѣльной простоты,
и естественности, сколько души и жизни, сколько
наивнаго юмора... Она скоро сдѣлалась любимицей
публики, и большой фуроръ производила на сценѣ.
Я самолично былъ свидѣтелемъ успѣховъ.

Катя была у меня подъ опекой до самаго конца
армарки, т. е. до закрытія арморочнаго театра.

Когда г-жа Горева ѣхала, 22 іюля, въ «Озер-
ки», то противъ нея въ вагонѣ помѣстился муж-
чина среднихъ лѣтъ, который внезапно заговорилъ
съ артисткой, не зная, кто она такая...

— Вы въ «Озерки», сударыня, ѣдете?

— Да, въ «Озерки», отвѣчала г-жа Горева,
сконфуженная неожиданнымъ вопросомъ весьма
приличнаго по внѣшности незнакомца...

— Вѣроятно, на именины?.. Сегодня много
именинницъ!

— Да... на именины! отвѣчала артистка...

— А въ театрѣ не будете?..

— Можетъ быть буду...

— Сегодня «Медея» идетъ, бенедиктъ актрисы
Горевой...

— Я читала афишу...

— Горева мнѣ нравится... Нѣкоторые недо-
вольны ея игрой, ну, а я принадлежу къ боль-
шинству, т. е. къ ея поклонникамъ.

— Вы ее лично не знаете?

— Знаю, какъ же... Мы знакомы даже нѣ-
сколько... Я былъ представленъ ей недавно...
Симпатичная особа...

— И я тоже слышала...

— Мы съ ней много бесѣдовали объ искус-
ствѣ!

Когда г-жа Горева пріѣхала въ «Озерки», то
ее встрѣтили на станціи артисты мѣстнаго те-
атра, изъ которыхъ одинъ весьма громко кри-
кнулъ!

— Г-жа Горева, пожалуйста сюда!.. Мы васъ
ждемъ!

Эти слова услышалъ незнакомецъ, разговаривав-
шій съ артисткой въ дорогѣ. Онъ до того скон-
фузился, что покраснѣлъ какъ ракъ и моменталь-
но скрылся. Уморительно то обстоятельство, что
онъ разсказывалъ г-жѣ Горевой, будто онъ зна-
комъ съ г-жей Горевой... Наивно по меньшей
мѣрѣ...

Но этотъ курьезъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ,

который намъ рассказали послѣ. По окончаніи
спектакля, г-жа Горева сѣла въ карету и поѣха-
ла. Слѣдомъ за ней поѣхала другая карета, съ
какимъ-то семействомъ, бывшимъ въ театрѣ.
Едва обѣ кареты отъѣхали, сажень двадцать отъ
возвала, какъ пассажиры замѣтили дѣловую толпу
неизвѣстныхъ людей. Сначала ихъ можно было при-
нять за разбойниковъ, но уви... это все были
поклонники торжествующей бенедиктъ. Они
набросились жадно на карету, чтобы отпречь ло-
шадей и прокатить артистку на своихъ собствен-
ныхъ плечахъ. Они почти распрягли лошадей и
двинули карету съ мѣста, какъ изъ она высу-
нулась небритая, гермоподальная физиономія...

— Господа, что вы дѣлаете съ нашей каре-
той? — проговорила небритая физиономія, точно та-
кимъ же тономъ, какъ говорятъ кулаки чревоу-
щателя въ «Арнадіи». — Вы мою супругу испу-
гаете...

— Мы хотимъ провести на своихъ плечахъ
Елизавету Николаевну, въ знакъ уваженія къ ея
таланту...

— Но позвольте... Елизавета Николаевна уѣха-
ла въ первой каретѣ, а здѣсь сидитъ моя супру-
га Марья Андреевна. Посмотрите, если не въ-
рите...

— Не можетъ быть!.. Это вы говорите на-
рочно! раздалися голоса...

— Да посмотрите же!

— И смѣрять не хотимъ! Не обманете...

Поклонники, однако, подбѣжали къ каретѣ и
увидѣли освѣщенное свѣтомъ фонаря кареты стар-
ческое лицо какой-то дамы...

— Господа, мы ошиблись... Вѣдь это чертъ
знаетъ, что такое... За что-же мы провозили нѣ-
что?

*) Замѣтки эти были ранѣе помѣщены въ «Петербург-
скомъ Листкѣ». Онъ настолько удачны, что мы увѣрены,
что читатели наши не поступятъ на насъ за перепечатку
ихъ на столбахъ «Т. М.», тѣмъ болѣе, что на причинъ
нездоровья А. А. Плещеева, мы остались, къ сожалѣнію, на
этотъ разъ безъ обычной бесѣды нашего даровитаго со-
трудника.

жрать идетъ, а за нимъ ходитъ каждый разъ
надо и силкомъ тащить.

— Вѣроятно, у него кто-нибудь близкій похо-
роненъ тамъ?

— Дочка ихняя, актриса тоже... Она отрави-
лась въ прошломъ году по характерности, связы-
ваютъ, своей, а они вотъ немощно съ того умомъ
помутнились...

— Постой! А какъ зовутъ этого старика?

— То есть имя ихнее?

— Да...

— Никола...

— А фамилія?

— А фамилія... Какъ ее?.. Ахъ, ты, Госпо-
ди... такая деревенская...

— Карелинъ?

— Во-отъ, они самый-съ...

Пробовалъ я разговаривать съ Карелинымъ, —
но не удалось; онъ никакъ не могъ меня признатьъ
и называлъ меня «вашимъ сятельствомъ». Бѣд-
ный старикъ лишился разсудка и памяти.

Былъ я и на Покровскомъ кладбищѣ, остано-
вившись на полуверстномъ разстояніи отъ почтовой
станціи, и посѣтилъ могилу моего милого друга.
Надъ небольшою насыпью возвышается де-
ревянный неоправленный крестъ, съ короткою над-
писью: «раба Божія, дѣвица Елѣтина». Въ на-
сыпь воткнуты свѣжіе полевые цвѣточки и от-
ростки вербы. Видимо, бѣдная могила украшается
старикомъ Карелинымъ...

Мнѣ было невыразимо скудно и грустно, и я
печальный двинулся изъ почтовой станціи въ го-
родъ...

Катя была до послѣдней минуты ребенкомъ. Она
дѣйствительно не договѣна, рано она сошла съ
жизненныхъ и сценическихъ подмостковъ...

Этотъ ребенокъ теперь забытъ всѣми, развѣ
кто-нибудь изъ стариковъ-актеровъ помнитъ еще
имя Елѣтины Карелиной.

Мих. Шевляковъ.